ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1974

И. Г. ДОБРОДОМОВ

ОТРАЖЕНИЕ ДВУХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ РОТАЦИЗМА В БУЛГАРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Среди соответствий чувашскому *р* в прочих тюркских языках, кроме простых случаев тождественных соответствий (*р* ~ *р*), наблюдаются два типа соответствий нетождественных. Одно, наиболее древнее и особенно часто обсуждаемое, соответствие согласного *з* (с его модификациями) большинства тюркских языков чувашскому *р* (соответствие *з* ~ *р*) имеет ротацистическое соответствие также в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, поэтому его можно назвать «алтайско-булгарским ротацизмом». Другое, более многообразное и не менее часто обсуждаемое, соответствие *й*, *з*, *т*, *д* ~ *р* может быть условно названо «булгарско-чувашским ротацизмом», ибо этот «ротацизм» представлен только в чувашском языке, а также частично в исчезнувших родственных ему булгарских диалектах, т. е. ограничивается фактически лишь тюркскими языками. Это явление — хронологически более позднее, и его отражение (в булгарской части) более многообразно: заимствованные слова отразили «булгарско-чувашский ротацизм» в процессе его становления на разных стадиях развития.

Эти два совершенно различных хронологически и географически ротацизма иногда не различаются [1]. Объединяя эти два ротацизма по общности их представления в современном чувашском языке и приписывая им одну общую ступень развития (*з* > *р*), Б. А. Серебренников, однако, строго разграничивает их на ранних ступенях и объединяет лишь на заключительном этапе, отмечая одновременно случаи ошибочного неразграничения этих явлений у других лингвистов [2].

Не все лингвисты придерживаются одного взгляда на возникновение соответствия *з* ~ *р*. Одни считают первичным зетацизм, а ротацизм вторичным (*з* > *р*, такую точку зрения разделяет, например, Б. А. Серебренников, специально высказывавшийся в ее защиту). Однако наиболее распространена другая точка зрения, согласно которой первичным признается ротацизм (палатализованный *р'* > *з*), а зетацизм — соответственно инновацией небулгарских групп тюркских языков. Впервые сформулированная Г. И. Рамстедтом, эта гипотеза вызвала большое количество откликов как в ее поддержку [3], так и против нее, но вопросы хронологизации этого процесса рассматривались сравнительно редко. В частности, И. Марквart сделал попытку установить хронологию ротацизма, не вдаваясь в решение вопроса о первичности *з* или *р*. По его мнению, письменные памятники позволяют отметить ротацизм уже в VI в. н. э. [4].

[1] См., например: А. М. Щербак, Сравнительная фонетика тюркских языков, Л., 1970, стр. 85, примеч. 231; М. Р. Федотов, Чăваш чĕлхин историйĕ, I. Сасăсем, Шупашкар, 1971, стр. 82—94.

[2] Б. А. Серебренников, О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков, ВЯ, 1960, 4, стр. 65.

[3] Одна из последних работ по этому вопросу: T. Tekin, Zetacizm and sigmatism in Proto-Turkic, «Acta orient. Hung.», XXII, 1, 1969.

[4] J. Markwart, Kultur- und sprachgeschichtliche Analekten. IV — Chronologische Data für den bulgarisch-türkischen «Rhotazismus», «Ungarische Jahrbücher», IX, 1, 1929.

Исходя из того, что тюркский зетацизм предшествовал булгарскому ротацизму (*з* > *р*), И. Бенцинг на основе материалов Махмуда Кашгарского относил развитие чувашского ротацизма ко времени после XI в., а булгаризмы венгерского языка с ротацизмом считал относительно новым приобретением (уже на современной территории) из языка поглощенных венграми булгаров [5]).

Н. Н. Поппе, придерживаясь диаметрально противоположного мнения о сравнительно позднем развитии тюркского зетацизма из прототюркского ротацизма (*р* > *з*), считает, что старые тюркизмы венгерского языка с отражением ротацизма восходят к тому периоду истории тюркских языков, когда не было противопоставления тюркских языков по ротацизму (булгарская группа) и зетацизму (прочие тюркские языки), т. е. к прототюркскому языку, включавшему как булгарскую группу, так и предков прочих тюркских языков. Тем самым фактически снимается вопрос о хронологии ротацизма и ставится вопрос о хронологии зетацизма в тюркских языках Восточной Европы [6].

Обычно исследователи при рассмотрении проблемы ротацизма опирались на материалы тюркских языков (как современных, так и представленных в письменных памятниках) и в гораздо меньшей степени на тюркские заимствования в финно-угорских языках (прежде всего, в венгерском), славянский же материал обычно не использовался из-за неразработанности вопроса о древних славянских булгаризмах и шире — тюркизмах. В предлагаемой статье предпринимается попытка проанализировать булгаризмы восточнославянских языков с точки зрения значения этих булгаризмов для решения вопроса о хронологии ротацизма. При этом следует учитывать, что славянские языки сами могут быть объектом своеобразной типологической классификации с точки зрения наличия процессов, так или иначе связанных с ротацизмом, или их отсутствия: 1) южнославянские со спорадическим переходом *ж* > *р* (например, серб.-хорв. *јер* «ибо» < *јеже*); 2) западнославянские с регулярным для чешского, польского и некоторых диалектных группировок обратным переходом палатализованного *р'* > *рж*/*ж* [7]; 3) восточнославянские с отсутствием явлений, родственных ротацизму (если не считать диалектных *сварьба*, *усарьба*, соотв. *свадьба*, *усадьба*), что небезынтересно в плане прежде всего восточнославянско-булгарских связей и может составить тему особого разыскания.

1. «Алтайско-булгарский ротацизм» в тюркизмах славянских языков. Наиболее яркой чертой, противопоставляющей булгарско-чувашский языковой регион прочим тюркским языкам, считается чувашский ротацизм [8], соотносительный с зетацизмом прочих тюркских языков: тюркскому звуку *з* в чувашском языке соответствует *р*. Например: татар. *кыз* «девочка, девушка, девица; дочь, дочка; невеста» — чуваш. *хĕр* «дочь, девочка, девушка, девица».

По этому признаку отмеченное в словаре В. И. Даля казанское диалектное *хирка* «чувашская девка, девчонка» (с указанием на чувашское проис-

---

[5] J. Benzing, Die angeblichen bolgartürkischen Lehnwörter im Ungarischen, ZDMG, 98 (N. F. 23), 1, 1944.

[6] N. Poppe, On some Altaic loanwords in Hungarian, «American studies in Uralic linguistics», Bloomington, 1960, стр. 139—157. Возражения см.: L. Ligeti, A propos des éléments «altaïques» de la langue hongroise, «Acta ling. Hung.», XI, 1—2, 1961; а также: Г. Е. Корнилов, К вопросу об источниках алтайских заимствований в венгерском языке, «Советское финноугроведение», 1972, 1.

[7] Ср.: G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I, Helsinki, 1957 (= MSFOu, 104, 1), стр. 105.

[8] Проблема алтайско-булгарского ротацизма породила большую литературу, обзор которой см.: А. М. Щербак, указ. соч., стр. 84—85.

хождение) противостоит столь же экзотическому среднеазиатскому *кыз* (также употребляется как обращение *кызыке* и в русифицированном облике *кызымка* от притяжательной формы *кызым* «моя дочь, девочка») [9]. Любопытно одинаковое русское суффиксальное оформление чувашизма *хирка* и среднеазиатского тюркизма *кызымка*.

Вероятно, через венгерское посредство проник в украинский язык корень *марк-*, входящий в состав целого ряда названий мастей: *маркáч* «конь белый с черными или рыжими пятнами», *маркó* «кличка пестрой собаки», *маркáс*(*нúс*)*тий* «пестрый» [последнее слово легло в основу молд. *тэркат* и рум. *tărcat* «пегий, пятнистый, полосатый», давших обратное заимствование в украинском языке, *теркáс*(*нúс*)*тий* с тем же значением, что и украинский первоисточник]. Сюда же примыкает укр. *таран* «оспина, след оспы». Венгерская первооснова этих слов (ст.-венг. *tar* и нововенг. *tarka* с уменьшительным суффиксом-*ka*) восходит к несохранившемуся в чувашском языке прилагательному **тар*, которому в древнетюркском языке соответствует *таз* «парша, плешь; паршивый, шелудивый», ср. алт. *тас* «лысина; лысый, голый» [10].

Как отражение тюркских ротацистических форм должны рассматриваться русские диалектные слова: *сýрпа* «рыболовная снасть, похожая на корзину» (арханг., енисейск.) и *сýрпа*, *сýрба* «приспособление для процеживания браги» (олонецк.), *сýрьпа* «ловушка на рыбу» (арханг.). М. Фасмер нерешительно объединяет их друг с другом и сравнивает с русским пермским диалектизмом *сырп* «рыболовная сеть в виде мешка», выводимым из манс. *sirp* «вид рыболовной сети», хотя и объявляет первую группу слов неясной [11]. Все эти формы хорошо объясняются вместе с астраханским *сюзгá* «мешок для ловли рыбы», донским *сюзьмá* «кушанье из процеженного молока» (которым М. Фасмер дает неточные этимологии), как дериваты тюркского глагола *сÿз-* (чуваш. *сĕр-* «цедить, фильтровать; ловить рыбу бреднем» с ротацизмом, откуда венг. *szűr-* «цедить, фильтровать») с помощью различных суффиксов и с разным направлением развития семантики (орудие и результат действия).

Уже неоднократно обращалось внимание на восточноевропейское название сазана, карпа *шаран*, представленное в русском, украинском, болгарском, македонском, сербскохорватском языках, в чешских ганацких диалектах, в старочешском, польском, а также в румынском языках и восходящее к булгарскому соответствию тюркского *сазан*, которое вытеснило в современном чувашском языке исконную форму, сохранившуюся лишь в части славянских языков и в румынском. Достоверность булгарского происхождения этого слова подтверждается наличием другой булгарской фонетической черты: - в соответствии с начальным *с-* перед долгим гласным *-а-* в других тюркских языках.

---

[9] См.: З. С. Шеломенцева, Словарь тюркизмов в русском языке жителей Киргизии, Фрунзе, 1971, стр. 77—79.

[10] И. Г. Добродомов, К этимологии украинского *маркач* и т. п., «Уч. зап. [МГПИ им. В. И. Ленина]», 341, 1969, стр. 89—91; J. Németh, Eine Benennung für scheckige Tiere bei Türken und Ungarn, «Acta ling. Hung.», XV, 1—2, 1965, стр. 79—84.

[11] М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, III, М., 1971, стр. 808, 820; см. также: M. Räsänen, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen, Helsinki, 1969 (далее — Räsänen, EW), стр. 438—439; ср.: А. К. Матвеев, Новые данные о финно-угорских заимствованиях в русских говорах Урала и Западной Сибири, «Вопросы финно-угорского языкознания», М.— Л., 1962, стр. 136; А. И. Попов, Из истории славяно-финноугорских лексических отношений, «Acta ling. Hung.», V, 1—2, 1955, стр. 7—8. В пользу финно-угорской этимологии говорит география слов *супа*, *сурьпа* и ударение, но привлекаемое сюда в качестве источника фин. *suurja*, *surja* «мешкообразный невод» фонетически далеко от русских слов.

Чрезвычайно сложным представляется вопрос о происхождении и миграциях восточнославянского слова *брага*, которое проникло в отдельные соседние славянские языки (польск. *braha*), а также за их пределы (венг. диалектн. *bráha*, *braha*, *brága*, рум. *braga*, молд. *braha*). Праформа этого слова **бърага* (с морфологически возникшим на славянской уже почве *-а*) отражает булгарское диминутивное образование (в современном чувашском языке не сохранившееся) от булгарского соответствия тюркскому названию разного рода напитков *боза* ~ булг. **бура*. Следы этого же булгарского слова есть в финно-угорских языках Поволжья. Уже из мордовского языка вторично в русский язык пришло то же самое булгарское слово в виде нижегородского *пурé* (нескл.) «мордовский вареный мед». К небулгарскому источнику восходит также русское наименование преимущественно чуждых, экзотических напитков разных народов *буза*, которое имеет широкое распространение в различных языках. Истории всех этих слов посвящена обширная литература, обзор которой можно найти под соответствующими словами в этимологических словарях, а попытка синтетического обзора сделана Г. Дёрфером [12], что позволяет отослать к нему и сосредоточить внимание на хронологии заимствования, датируя последнее общевосточнославянской эпохой, ибо в слове возник и исчез впоследствии так называемый редуцированный гласный *-ъ-* < *у* (кратк.) < общетюрк. *о* (восстанавливается на основе показаний большинства тюркских языков). Следовательно, булгарский переход *о*>*у* имел место до XI в., когда древнерусский язык уже испытывал исчезновение гласных *ъ*, *ь*. До XI в. имело место заимствование. В осетинском малоупотребительном наименовании браги, напитка из проса *byræg* хорошо сохранен консонантизм булгарского первоисточника при некоторой эволюции вокализма. Морфология и фонетика восточнославянского *брага* своим развитием напоминают аналогичное развитие общеславянского булгаризма *кънига*(*а*) > > *книга* [13].

Общеславянское распространение имеет булгаризм **хърѣнъ*, удачно проэтимологизированный М. Рясяненом: русск. *хрен*, укр. *хрін* (род. *хріну*) и гиперистично *хрон*, *хрóну*, белорусск. *хрэн*, болг. *хрян*, серб.-хорв. *хрен*, словен. *hren*, чеш. *křen*, ст.-чеш. *chřen*, словац. *chren*, польск. *chrzan*, *krzan* он выводил из булгарского источника (ср. чуваш. *хĕрен* «хрен», дословно «жгучий», причастие от глагола *хĕр-* «накаляться») в соответствии с древнетюркским *қыз-*«краснеть, пламенеть, багроветь» [14]. Уже через славянское посредство слово распространилось по языкам Европы: литов. *krienà* (ж. р.) и *kriẽnas* (м.р.), нем. *Kren* (наряду с *Meerrettich*), итал. *crenno*, франц. *cran*, новогреч. χρᾶνος (при κεράϊν у Теофраста). Луговое марийское *крен* заимствовано из русского языка, а горное *йрäн* восходит к чувашской форме, подобно татарскому и башкирскому *керэн*, которые, правда, иногда ошибочно возводятся к русскому *хрен* [15].

Несколько неожиданным представляется булгарское происхождение половецкого имени *Шаруканъ* (*Шароканъ*, *Шараканъ*) и производного от него названия кочевнического города *Шарукань* в соответствии с кыпчакским апеллятивом *саз*(*а*)*ган* «змей, дракон». Булгарский апеллятив представлен в венгерском *sárkány* «змей, дракон». Отзвуки этого половецкого имени сохранились в виде кальки в названии города Харьковской обла-

[12] G. Doerfer, Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, II, Wiesbaden, 1965 (далее — Doerfer), стр. 337—341.

[13] И. Г. Добродомов, Книга, «Русская речь», 1971, 5.

[14] M. Räsänen, Slav. хрѣнъ «Meerrettich», «Festschrift für W. Eilers», Wiesbaden, 1967, стр. 558.

[15] Л. З. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, II, СПб., 1871, стр. 120.

сти *Змиев*, расположенного в районе знаменитых Шаруканских походов, а также в собственном личном имени (отчестве) былинного *Змея Тугарина* (*Тугарина Змиевича*). Правда, в имени былинного персонажа отразилась, вероятно, также память о современнике знаменитого Шарукана — другом половецком князе Тугоркане. Булгарские элементы в половецком словаре и ономастике связаны, безусловно, со следами булгарского субстрата в тюркских языках южнорусских степей. Булгарские истоки личного имени *Шаруканъ* подтверждаются не только ротацизмом, но и соответствием *с* — *ш* между прочими тюркскими языками и булгарско-чувашским. Уже из венгерского языка заимствованы чешские и словацкие названия дракона *šarkan*, *šiarkan*, *žiarkaň*, украинское *шаркан*, *харкан* «змей, дракон», а также семантически изменившееся *шаркан* «сильный ветер, буря» [16].

Как установил М. Рясянен, к булгарскому источнику восходят др.-русск. *ковьръ*, русск. *ковёр* (*коврá*), укр. *ковéр* (род. *коврá*), *кобéр* (род. *кобрá*), польск. *kobierzec*, словацк., чеш. *koberec*. Все эти славянские слова отражают дальнейшее развитие форм **ковьръ*, **кобьръ*, восходящих к булгарскому ротацистическому соответствию **кавир* тюркского названия ковра типа древнетюркского *кевиз* [17]. Колебания фонемного состава слова на славянской почве (*б* — *в*) обнаруживают заимствованный характер слова и не дают оснований для этимологизации этого бродячего слова на почве славянских языков.

К числу слов с алтайско-булгарским ротацизмом принадлежит русско-белорусский диалектизм *юрáга* «пахтанье; осадок при топлении сливочного масла», убедительно проэтимологизированный на булгарской почве О. Н. Трубачевым. Прототип этого слова, а также венг. устар. *író* «сыворотка» и марийск. *йырá* «пахтанье» обнаруживается во втором компоненте чувашского названия молозива *ĕне ырри*, имеющем соответствия типа татар. *угыз*, др.-тюрк. *ағуз* «молозиво» не только в тюркских языках, но и на монгольской почве (**uurag*) [18]. Необычное для тюркизмов ударение в этом слове объясняется наращением окончания *-а*, которое ударения не получило (ср. также *брáга*, *книгá*, *верúга*),

К булгарскому ротацистическому источнику возводится русское *овраг* (из более раннего *врагъ*), соотнесенное уже Н. И. Ашмариным с чуваш. *варак* «дупло дерева; промоина, овражек; продольное углубление» [19], а последнее является точным фонетическим соответствием тюркскому диминутиву от *ӧз* [=чуваш. *вар* в составе *тип вар* «овраг (безводный), дол, суходол, лог, сухое русло ручья»], подобному казах. *ӧзек* «речка, иногда высыхающая; долина». Правда, ввиду исходной для русского языка формы **вьрагъ* [20] < * *vĭragъ*, ее следует возводить не к современному чувашско-

---

[16] Н. И. Зайцева, По поводу некоторых тюркизмов в чешской и словацкой мифологической лексике, «Тюркские лексические элементы в восточных и западных славянских языках. Тезисы докладов Второго симпозиума (25—27 ноября 1969 г.)», Минск, 1969, стр. 26; І. Панькевич, Закарпатський діалектний варіант української літературної мови XVII—XVIII вв., «Slavia», XXVII, 2, 1958, стр. 179.

[17] M. Räsänen, Der Wolga-bolgarische Einfluß im Westen im Lichte der Wortgeschichte, «Finnisch-ugrische Forschungen», XXIX, 1946, стр. 196; более строго: *М. Рясянен, Материалы по исторической фонетике тюркских языков*, М., 1955, стр. 114 (отделены названия войлока, кошмы). Огласовку древнетюркского *kiviz*, *kiwiz* в «Древнетюркском словаре» (Л., 1969, стр. 311; далее — ДТС) целесообразно исправить на *кевиз*, учитывая алт. *кебис*, тув. *хевис*, хакас. *кибіс*, ногайск. *куйиз* (ср. *ev* ~ *üj* «дом»).

[18] О. Н. Трубачев, Об этимологическом словаре русского языка, ВЯ, 1960, 3, стр. 66.

[19] Н. И. Ашмарин, Словарь чувашского языка, V, Чебоксары, 1930 (далее — Ашмарин), стр. 174.

[20] Ф. П. Филин, Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк, Л., 1972, стр. 534—535.

му *варак* или его прототипу, а к другому булгарскому диалекту, где соответствующее слово было представлено в форме **вирäк* с вокализмом, как в современном казанско-татарском. Зато к чуваш. *варак* оказываются чрезвычайно близкими почти общеповолжское русск. диалектн. *варак* «овраг», также *вараг* и испытавшее контаминационное взаимодействие с *байрак*, *буерак* тоже поволжское *барак* „овраг". Из-за того, что русская форма *овраг* сравнительно моложе формы *враг*, из которой она и возникла в результате переразложения предложно-падежных форм типа **въвъврагъ* > *во враг* > *в овраг* (ср. аналогичное развитие у диалектной формы *овторник* [21]), отпадает недавно предложенная М. Рясяненом этимология для русск. *овраг* в связи с др.-тюрк. *оғрағ*, *огруғ*, *овруғ* «изгиб, перекат, седловина» (ДТС, 363, 364, 374) и турецк. *убрук* «глубокая долина, низменная земля, низменность» (последнее сравнение сделано еще В. В. Радловым) (Räsänen, EW, стр. 358).

Возможно, былую роль булгарской торговли в Восточной Европе отражает специфический торговый термин, известный особенно в западнорусской (прежде всего на белорусской территории), а также в русской и польской письменностях в формах *тах(ъ)ръ*, *тахеръ*, *тахиръ*, *tacher*, *тахель*, *тахиль* и употреблявшийся в качестве счетной торговой единицы для ножей, топоров и белок. Фонетически этот термин полностью совпадает с наименованием довольно престижного у тюрков числа «девять» с булгарским ротацизмом: чуваш. *тăххăр*, *тăхăр* при тюрк. *тоқыз*. Правда, принятию этой этимологии мешает отсутствие сведений относительно употребления девятки в качестве счетной единицы у тюрков.

По разысканиям Э. Боева, болг. диалектн. *самсур* «нелюбезный, непристойный», где тюрк. *сан* «счет, число, честь, достоинство» в булгарской форме *сам* сочетается с привативным суффиксом *-сур* (ср. татар. *-сыз*), представляет собой своеобразный булгаризм болгарского языка с явным булгарским ротацизмом [22].

Русский астраханский, саратовский и донской диалектизм *бирюк*, *бирючок* «бычок на втором году» скорее всего связан с калмыц. *бирō* «двухлетний теленок», а не с чуваш. *пăру* «теленок (вообще)», соотносительным с кыпчакской формой *бузау* (откуда в русских говорах *бузавик*, *бузавок*, *бузьвик*, *бузевок* и т. п.). Ср. также венг. *borjú* «теленок», марийск. *пре́зе* «теленок».

Отражение ротацизма есть в русском сибирском *ку́рна* «черногруд, крупный хорь Южной Сибири, с кошку, зовут его и дикой кошкой» (Даль, II, 223), сопоставимом с тюркским названием хорька *кӱзăн* (Räsänen, EW, стр. 312), ротацистирующий вариант которого отражен в венг. *görény* «хорь, хорек, вонючка». Но особенности огласовки сибирского русского диалектизма заставляют видеть в нем скорее монголизм. Фонетически ближе всего к сибирскому *курна* стоит калмыцк. *kurnae* «mustela putoris» (из материалов П. С. Палласа) [23].

Славянские булгаризмы с проявлением алтайско-булгарского ротацизма, несмотря на их сравнительную малочисленность, позволяют выявить одну характерную фонетическую черту ранних булгаризмов, которая не могла быть обнаружена на финно-угорском материале. Речь идет об отсутствии даже следов палатализации в славянских отражениях булгарского *р*, соответствующего тюркскому *з*. Согласный *з*, по Г. И. Рамстедту, получал-

[21] В. А. Богородицкий, Очерки по языковедению и русскому языку, 4-е изд., М., 1939, стр. 154—156.

[22] Е. Боев, За предтурското тюркско влияние в българския език — още няколко прабългарски думи, БЕ, XV, 1, 1965, стр. 15.

[23] См.: Z. Gombocz, Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in der ungarischen Sprache, MSFOu, 30, Helsinki, 1912, стр. 73.

ся из палатализованного *р'*. В славянских языках палатализованный *р'* характеризуется большой древностью: этот звук возник в праславянский период довольно рано и был свойствен ранней стадии развития всех отдельных славянских языков, когда, вероятно, имели место булгарские заимствования, обычно присущие далеко не всем славянским языкам. Следовательно, в момент заимствования булгаризмов славянами булгарский язык имел уже отвердевший согласный *р*, подобный соответствующему звуку современного чувашского языка, а это позволяет говорить, что уже тогда булгарский язык противопоставлялся прочим тюркским языкам, даже если принять предположение Н. Н. Поппе о позднем развитии зетацизма.

2. «Булгарско-чувашский ротацизм» и его стадии в тюркизмах славянских языков. В соответствии *й, з, ẓ, т, д ~ р* возникновение булгарско-чувашского *р* из исходного *д* проходило через ступень спирантов *ẓ > з*, причем эта промежуточная фрикативная ступень проявляется в некоторых булгаризмах венгерского языка, где в отдельных случаях также отражено и более древнее исходное состояние *-д-*. То же самое касается и булгаризмов в славянских языках.

Проблема «булгарско-чувашского» ротацизма в связи с историей интервокального *-д-*, изменявшегося в *-ẓ- > -з- > -р-*, привлекала внимание преимущественно исследователей булгаризмов венгерского языка по части этимологизации в нем булгарского наследия. М. К.-Палло в специально посвященной этому сложному вопросу статье [24] не касается славянского материала, хотя он может дать некоторые сведения относительно булгарской фонетики после прекращения венгерско-булгарских контактов в конце IX в.

Пытаясь установить абсолютную хронологию булгарско-чувашского ротацизма (*д > р*), И. Маркварт решал вопрос не столько на основании древних заимствований из булгарского источника в русский язык (*трунове, Сурожь* — см. об этом ниже), сколько на показаниях составленной в 1313 г. в Египте арабско-тюркской грамматики Абу Хайяна Мухаммада ибн Йусуф ал-Андалуси ал-Гарнати; материал же этой грамматики указывает на произношение в булгарских словах *-ẓ-* в соответствии с тюркским *-й-* (хотя источники сведений Абу Хайяна о булгарском языке неизвестны). На этом основании И. Маркварт относит появление булгарско-чувашского ротацизма к XIV в., а появление ступени *з* — ко времени Махмуда Кашгарского (XI в.). В русских же отражениях *трунове, Сурожь* И. Маркварт предполагал маловероятную субституцию согласного *-ẓ-* (отсутствующего в передаче русских) привычным *-р-* [25], что не встретило поддержки у последующих исследователей.

Еще более категорично за позднее развитие чувашского ротацизма из зетацизма высказался И. Бенцинг, объединявший развитие соответствий *р ~ з* и *р ~ д, й, т, з, ẓ*, но данные Махмуда Кашгарского о булгарском языке, на которые опирался И. Бенцинг, были признаны недостоверными [26].

Г. Дёрфер дает следующую хронологизацию этого процесса: в VIII в. еще был *-д-*, к X в. — звук, близкий к *з* (через ступень *ẓ*), далее *рз(рж)* в XIII в. и в XIV в. уже *р*; для сочетания *-гд-* он устанавливает упрощенную схему:

---

[24] M. K.-Pallό, Die mittlere Stufe des tschuwaschischen Lautwandels *d* > δ > > *r*, UAJb, 43, 1971; см.: e e ж e, Hungaro-Tschuwaschica. 2. Zur Chronologie des tschuwaschischen Lautwandels: *d* > *r*, UAJb, XXXI, 1959.

[25] J. Markwart, Kultur- und sprachgeschichtliche Analekten II. Das Alter des bulgarischen Wandels des alttürkischen *d*>*r*, «Ungarische Jahrbücher», IX, 1, 1929.

[26] См.: O. Pritsak, Kāšġarīs Angaben über die Sprache der Bolgaren, ZDMG, 109 (N. F. 34), 1, 1959.

-ɐд- > (XIII в.) *з* > (XIV в.) *р* [27], что не вполне согласуется со славянским материалом.

По фонетической черте (*-д-*, не изменившемуся в *-ʒ-* > *-ʒ-* > *-р-*) следует признать наиболее древним заимствованным булгаризмом русск. диалектн. *кодма́н* рязанск., тульск. «суконный, особ. синий, женский шушун», *рязанск. «женская накидка из понитка, как широчайшая рубаха,* но без проема для головы, мешок с рукавами; накидывается как есть вдвое, на спину, в ненастье на голову, а рукава спускаются по плечам вперед» (Даль II, 130). Вместе с венг. *ködmön* «полушубок» русск. *кодман*, известное уже с XII в., возводится к булгарскому **кäдмäн* > **кадман*. Передний вокализм венг. *ködmön* (народноэтимологическое сближение с *köd* «туман, мгла») по сравнению с русским задним вокализмом в *кодман* отражает более старое состояние. Встречающееся в древнерусском языке написание *къдманъ* с *-ъ-* следует рассматривать как гиперизм. Серб.-хорв. *кедмен*, приведенное К. Менгесом по Э. Бернекеру, восходит к венг. *ködmön* [28]. Впрочем следует также учитывать предполагаемую К. Менгесом возможность субституции славянским и венгерским *-д-* тюркского-*ʒ-*, отражающего уже следующую ступень эволюции в сторону *з* > *р*. Не связано ли наличие *д* в этом слове с положением звука перед согласным, где он сохранялся (в отличие от интервокальной позиции)?

На первый взгляд кажется, что аналогичное происхождение имеет *-д-* в русском слове *курдюк* «жировое отложение в задней части туловища, у хвоста, у некоторых пород овец», сопоставляемом с тюркским названием хвоста типа др.-тюрк. *қудруқ*, *қуʒруқ* «хвост; задняя часть, зад», хакас. *хузурух*, кирг. *куйрук*, якут. *кутурук* (примеры отражают все этапы развития соответствия *д* — *ʒ* — *з* — *т* — *й* ~ *р*.). Но метатеза сочетания *др* → → *рд* не объясняет, почему произошло смягчение согласного *д* > *д'*. В связи с этим можно выдвинуть предположение о развитии сочетания *рд* из геминаты *рр* (или скорее *р'р'*), которая могла возникнуть на булгарской почве в результате изменения *д* в *р* (или, что менее вероятно, в результате ассимиляции *й* последующему *р*), причем диссимиляция имела место уже на русской почве. Чувашский язык также утратил здесь геминату, но лишь путем ее упрощения: рефлексы этого тюркского слова в чувашском языке [*хӳре* «хвост, конец», диалектн. *хёвре* = *хӳре* — Ашмарин, XVII (1950), 14; *хивре* «хвост» — Ашмарин, XVI (1941), 119] красноречиво об этом свидетельствуют [29].

Одно из древнейших датированных отражений булгарско-чувашского ротацизма (*р* < *д*) содержится под 1230 г. в Троицкой летописи. Это булгарский титул **турун*, зафиксированный Троицкой летописью в форме мн. числа *трунозе* (с русским окончанием *-ове*). В русском языке это слово, судя по его фонетике, было известно задолго до этого, еще в период наличия в нем редуцированных: *трунове* < **търун(ове)* < булг. **турун*. Слово имеет довольно значительную литературу. Н. И. Ашмарин увязал этот титул с чувашской топонимикой, а в разборе взглядов ученого Б. Мункачи нашел этому титулу тюркское соответствие [др.-тюрк. *тудун*, *туʒун* «распорядитель; тот, кто распределяет в селении воду в арыках»; ср. также *тутун* «тутунг, название должности (правитель области) и титул (компонент имен собственных)», последнее из кит. *дутун*, *to-thon* — ДТС,

[27] G. Doerfer, II, стр. 523. Несколько иную датировку см. там же, т. III (1967), стр. 208: *д* или *ʒ* (VIII—IX вв.) > *з* (X—XI вв.) > *р* или *рз* (XIII в.).

[28] К. Н. Menges, Schwierige slavisch-orientlische Lehnbeziehungen, UAJb, XXXI, 1959, стр. 182—183.

[29] О ностратических соответствиях и морфологическом строении тюркского *куд(у)-рук* см.: В. М. Иллич-Свитыч, Опыт сравнения ностратических языков, М., 1971, стр. 327—328.

584, 593]. Независимо от Б. Мункачи, а также друг от друга аналогичную работу проделали А. А. Шахматов и А. Н. Самойлович [30].

Вторая ступень развития булгарско-чувашского ротацизма представлена в этимологически изолированном слове — топониме *Азов*, которое возводится к тюрк. *адақ*, *азақ*, *айақ* «нога» и «устье реки». Из формы *азақ*, «устье реки», с параллельным вариантом *азаг*, произошла ранняя булгарская форма *азаў*, перешедшая в русск. *Азов* [31]. Следует заметить, что закрепление названия *Азақ* и превращение его в *Азаў* связано со сменой тюркских языков — булгарского кыпчакским.

Одним из старых показателей наличия булгарско-чувашского ротацизма можно считать общеславянское (хотя с некоторыми фонетическими расхождениями в оформлении исхода слова) название дрофы (русск. *драхва́*, *драфа́*, *дрохва́*, *дрофа́* и т. п., укр. *дро́хва*, *дро́фа*, белорусск. *драфа́*, болг. *дропла*, серб.-хорв. *дрдпла*, словен. *drôplja*, чеш. *drop*, ст.-чеш. *drofa*, *dropfa*; словацк. *drop*, польск. *drop*, ст.-польск. *drop*, *dropia* и т. п.), булгарская этимология которого была установлена М. Рясяненом [32]. На основе общетюркской формы *тогдақ* М. Рясянен восстановил для чувашского языка форму **тăрах* (у М. Фасмера — I, 542 русск. издания; I, 372 немецкого — ошибочно дана как реальная — без астериска), более старая форма которой **tŭrax^{w}* с кратким *у* и лабиализованным *х* легла в основу славянских форм — в них гласный начального слова превратился в ъ с последующим его исчезновением. Падение так называемых редуцированных гласных ъ, ь началось в славянских языках после IX в. на южной территории и далее распространилось на север [33]. Следовательно, название дрофы было заимствовано славянами до начала этого процесса, т. е. до X в. Отсюда новое уточнение в датировке булгарско-чувашского ротацизма IX веком. Любопытно, что более ранний булгаризм венгерского языка *túzok* «дрофа» с *z* еще сохраняет долготу гласного в начальном слоге, сократившуюся к моменту заимствования слова славянами.

Вероятно, восходит к иному булгарскому диалекту древнерусская ротацистическая форма названия крымского города Судака — *Сурожь* < < булг. **Сурог* + славянский притяжательный суффикс **-йь* в соответствии со старым *Суғдақ* [34]. В булгарском диалекте — источнике древнерусского *Су́рожь* — не было сокращения долготы в первом слоге, который в силу своей долготы перетянул на себя ударение на русской почве. О более раннем вхождении этого слова в язык восточных славян по сравнению со словом *дърофа* говорить пока не приходится, ибо топоним, кажется, известен только древнерусскому языку.

В работах, где затрагивается вопрос о «булгарско-чувашском ротациз-

---

[30] Н. И. Ашмарин, Болгары и чуваши, Казань, 1902, стр. 17, 66: B. Munkácsi, A volgai bolgárokról, «Etnographia», XIV, 1903, стр. 66—76, 147—152, 261—265, особенно стр. 72—73. См.: А. А. Шахматов, Заметка об языке волжских болгар, «Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук», V, 1, 1918; А. Н. Самойлович, Турун — тудун (Еще пример турко-болгарского ротацизма), там же. Ср. также: Doerfer, III, стр.207—210. H. H. Poppe в рецензии на кн.: D. M. Dunlop, The history of the Jewish Khazars (Princeton, 1954), противопоставляя булг. * *турун* и хазар. *тудун*, говорит об отличии хазарского языка от булгарского («Central Asiatic journal», I, 2, 1955, стр. 157).

[31] См.: Hadży Mehmed Senaiz Knymu, Historia Chana Islam Gereja III, wydał Z. Abrahamowicz, Warszawa, 1971, стр. 164. Ср.: Н. К. Дмитриев, Соответствие *р* ‖ *д* ‖ *т* ‖ *в* ‖ *ғ* ‖ *й*, «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Ч. I — Фонетика, М., 1955, стр. 328.

[32] M. Räsänen, Der Wolga-bolgarische Einfluss..., стр. 196; дополнительный материал см.: Doerfer, II, 519—524; И. Г. Добродомов, Дрофа — дудак. Этимологические заметки, «Русская речь», 1968, 4.

[33] См.: Р. Нахтигал, Славянские языки, М., 1963, стр. 145—146.

[34] См.: H. Menges, The Oriental elements in the vocabulary of the oldest Russian epos «The Igor» Tale (Slovo o pŭlku Igorevě), New York, 1951, стр. 47—49.

ме» (соответствие *р* ~ *й*, *д*, *т*, *з*, *ẓ*), уже сложилась традиция рассматривать раздельно примеры с реконструированным исходным *-д-* и примеры с исходным сочетанием *-ŕд-*, что представляется не вполне правомерным, поскольку заднеязычные согласные в исходе слога на булгарской почве довольно рано утрачивались [35] и дентальный *-д-* становился интервокальным и имел общую судьбу с исконным интервокальным *-д-*. Другие же тюркские языки значительно дольше сохраняли *-ŕ-* в этом положении, поэтому в сочетании с ним согласный *-д-* имел иную судьбу, чем в интервокальной позиции. Следует, правда, учесть возможное влияние заместительной долготы предшествующего гласного на сонаризацию *-д-*, но вопрос о влиянии долгот на развитие булгарско-чувашского ротацизма пока еще не ставился. Возможно, архаичность фонетики (*д*) в слове *кодман* объясняется так же.

Для хронологизации перехода *-д-* > *-ẓ-* > *-р-* было бы чрезвычайно важным пересмотреть вопрос о происхождении севернославянского слова *буда*, *будка*, которое по традиции выводится из средневерхненемецкого *buode* «шалаш, палатка», хотя высказываются также предположения об обратном направлении заимствования [36]. С этим восточнославянским строительным термином М. Рясянен связал поволжские названия сруба и закрома (чуваш., марийск. *пура*, татар., башк. *бура*), считая их результатом проявления лексически ограниченного чувашского ротацизма (*-д-* > > *-р-*), распространенного вместе со словом путем заимствования [37]. Правда, в «Опыте этимологического словаря тюркских языков» М. Рясянен отказался от этого сравнения в пользу не менее проблематичной связи с древнетюркским (по Махмуду Кашгарскому) *буŕра-* «раскалывать, разрубать», *буŕар-* «надрубать, делать зарубку» (ДТС, 120; Räsänen, EW, стр. 78: с огласовкой *-о-*) и якутским *буоŕара* «перехват (у трости); излучина (дороги)», «обшивка (у дверного порога, у камелька)».

Рассмотрение славянских данных с отражением развития булгарско-чувашского ротацизма на разных этапах его развития также позволяет на собранном нами материале сделать вывод о том, что и здесь булгарские слова не обнаруживают следов палатализованности у рефлексов древнего *-д-*, если отвлечься от единственного случая в слове *курдюк*, для которого возможно также иное объяснение. Во всяком случае, отражение всех стадий развития булгарско-чувашского ротацизма (в соответствии *р* ~ *й*, *з*, *ẓ*, *д*, *т*) указывает на звонкость соответствующего согласного, почему никак нельзя согласиться с булгарской этимологией гидронимического названия *Битюг* [38] (от прилагательного со значением «рослый, высокий»: др.-тюрк. *бедӱк*, *беẓӱк*; тув. *бедик* «высокий», хакас. *пӧзік* «высокий», кумык. *бийик* «высокий»; (?) якут. *бӧтӧҥкӧс*, *бӧдӧҥкӧс* «крупный, довольно взрослый»), ибо якутская фонетическая черта — оглушение *д* > *т* — булгарскому языку не была свойственна.

В нашей статье еще раз подчеркивается общеизвестная, но на практике зачастую игнорируемая мысль о том, что заимствования из какого-либо языка в соседних языках представляют собой весьма ценный материал для истории этого языка. В рассмотренных случаях булгаризмы славянских языков позволяют по-новому осветить хронологию и историю ротацизма.

---

[35] *Ŕ* в сочетании *ŕд*, вероятно, следует объединять с заднеязычными в исходе слова, которые в речевой цепи фактически оказывались при соединении с аффиксами внутри слова, но традиционно рассматриваются как конечные. О судьбе булгарских заднеязычных в конечной позиции см.: A. R ó n a-T a s, On the Chuvash guttural stops in the final position, «Studia turcica», Budapest, 1971.

[36] V. M a c h e k, Etymologický slovník jazyka českého, Praha, 1971, стр. 61.

[37] M. R ä s ä n e n, Wortgeschichtliches zu den Sprachen der Wolga-Völker. I, «Finnisch-ugrische Forschungen», XXVI, 2—3, 1939—1940, стр. 131—133.

[38] Е. С. О т и н, Из этимологических исследований донской гидронимии, «Этимология. 1970», М., 1972, стр. 232—233.